ПОСВЯЩЕНИЕ

Нужно жить так, чтобы своими поступками
по-хорошему удивлять даже самого себя.

Автор

Эта книга посвящается памяти моей матери Клавдии, которая осталась вдовой в тридцать шесть лет и продолжала верить в меня даже тогда, когда другие уже поставили крест на моём будущем. Не раз я видел, как она плакала по ночам от одиночества, обиды и от того, как трудно было одной растить двух детей на учительскую зарплату. Поэтому я делал всё, чтобы не огорчать маму: убирал в доме, ходил за покупками, занимался глажкой, но не всегда мог справиться со своей вспыльчивостью, упрямством и стремлением всё решать по-своему. Да, были почти ежедневные драки, грубость, исключения из школы и института, но, видит Бог, я старался. Возможно, таким был мой нрав, а может быть, во мне просто жила детская боль оттого, что я рос без отца. Мама это понимала и прощала.

Её материнская любовь и вера дали мне то, что особенно необходимо ребёнку, рано потерявшему папу, – надежду и уверенность в собственных силах.

А самое главное – ни мать, ни сестра никогда не сомневались в моём будущем успехе. Сейчас, после ухода мамы, у всех, кто её знал, остались самые глубокие чувства любви и уважения к ней – не только как к матери, бабушке и свекрови, но прежде всего как к человеку. Во мне нет ни малейшего сожаления о том, как я относился к ней и каким сыном был для неё. Мы до последней частички души отдали друг другу всё самое хорошее, чем Бог нас одарил. Мама никогда меня не ругала, не повышала голоса и тем более не поднимала на меня руку. Хуже любого наказания был её строгий учительский взгляд, когда она, отчаявшись, говорила:

– Сынок, папа был бы очень недоволен тобой.

Я посвящаю эту книгу также моему отцу, которого не стало, когда мне было всего шесть лет. Он взял мой самокат, чтобы починить, но больше я не увидел ни его, ни самоката. Вскоре мне купили новый, но новых отцов в магазине не продавали. Он прошёл две войны, был ранен, и, по всей вероятности, это ускорило его ранний уход из жизни.

Как бы мне хотелось познакомить его с моей семьёй, показать мои песни и эту книгу. Всю жизнь меня сопровождала мысль: что бы сказал отец? Теперь, когда у меня уже четверо внуков и я заканчиваю свой жизненный путь, я уверен: он бы мной гордился.

С особой любовью посвящаю эту книгу моей жене Диане, разделившей со мной все трудности иммиграции и терпеливо ждавшей меня в Нью-Йорке с двумя маленькими детьми, пока я заканчивал медицинскую школу в Чикаго. И сейчас, когда я пишу эти строки в одном из самых красивых уголков мира, где мне посчастливилось проводить свои пенсионные годы, она продолжает наше дело, которое мы вместе начали тридцать лет назад.

Диана всегда была и остаётся моим самым верным другом, партнёром и любимым человеком. Она с нетерпением ждёт эту книгу, и я очень надеюсь, что она ей понравится.

Я также посвящаю свою книгу моей сестре Светлане – красивому и необыкновенно талантливому человеку. Моё имя Александр, но она очень любила персонажа из фильма по Гайдару – мальчика Альку, сокращённо от Александра, и с её лёгкой руки так меня называли всю жизнь.

Мама работала с утра до вечера, и моим внутренним миром полностью занималась моя старшая сестра. Видно, любовь и уважение, которые я испытывал к ней всю жизнь, заставляли меня, всегда тянувшегося к плохому, прислушиваться к ней и уважать её мнение. Светлана вечно подсовывала мне книги, стихи, учила правильным манерам поведения. Благодаря ей я, спортсмен и хулиган, начал играть на музыкальных инструментах, а после её ухода стал сочинять песни.

Наверное, мне было необходимо хотя бы в музыке и мечтах оставаться рядом с ней.

Я с улыбкой представляю, какой была бы её реакция на то, что я написал эту книгу: ведь меня когда-то привязывали к стулу, чтобы заставить написать сочинение. Я бы держал весь творческий процесс в секрете, а потом небрежно протянул бы книгу и сказал:

– Вот, полистай, когда будет время.

Она, вечно читающая, гуманитарий, ценившая в людях интеллект, зная мою склонность к постоянным розыгрышам и шуткам, сначала, наверное, не поверила бы:

– Алька, ты меня опять разыгрываешь?

А потом расплакалась бы от счастья и гордости. И, независимо от содержания книги, она гордилась бы мной за то, что я просто осмелился её написать.

Эти страницы также посвящены моим детям, Лене и Мишель, которые вместе с нами пережили нелёгкие годы иммиграции и которыми мы гордимся. Надеюсь, они никогда не забудут, через какие испытания пришлось пройти их родителям. Пусть память об этих годах станет для них свидетельством того, что благодаря любви, вере в семью и стремлению к мечте можно преодолеть самые тяжёлые жизненные обстоятельства. Они любят мои истории, во всяком случае, я так надеюсь, и, как мне кажется, хотят видеть в них только смешное, подсознательно отстраняясь от боли и трагедий. Как всякие дети, они считают, что всё это было не с ними и очень давно, а значит, это уже не их жизнь. Они ещё не понимают, что прошлое не исчезает бесследно и что иногда именно история родителей учит детей тому, как прожить собственное будущее.

И, конечно, эта книга обращена к нашим внукам – чтобы то время не затерялось в истории, чтобы они узнали, какой путь прошли семьи иммигрантов, покинувших СССР в конце XX века, и сохранили память о мужестве, стойкости и надежде, которые помогли этим людям начать новую, лучшую жизнь.

ГЛАВА 1

ПОСЛЕДНИЙ ШАББАТ

Коммунальная квартира располагалась в старом полуподвальном помещении с длинным коридором и общей кухней. Тонкие стены не столько разделяли, сколько соединяли: громкие ссоры, музыка, кашель по ночам, звон посуды и бесконечные звонки в дверь становились частью общей, неразделимой жизни. Когда раздавался звонок, вся коммуналка замирала, считая их: Руденко – три, Прохоровым – пять, Кацам – семь.

Здесь жили несколько семей, и каждая старалась держаться обособленно, словно за своей дверью был отдельный мир. Но настоящих границ не существовало. Всё было слышно, многое – видно, остальное легко додумывалось. Двери закрывались, но жизнь продолжалась сразу по обе стороны стен, и квартира словно дышала всеми своими обитателями одновременно.

Взрослым было не до близкого общения – разные работы, взгляды и характеры оставляли мало места для дружбы. Зато трое мальчишек – Сёма, Александр и Сергей – были неразлучны. Они виделись друг с другом чаще, чем с родителями, делились самым сокровенным и искренне верили, что эта дружба сохранится на всю жизнь.

В комнате Кацев стояла непривычная тишина – не такая, как в прежние праздники. Готовились к Шаббату: через два дня Лёва, брат Петра, уезжал в Америку.

Гостей не было – только семья: Пётр с женой Клавдией, Лёва и дети – девятилетний Сёма и семилетняя Ребекка.

Пётр заметно нервничал и говорил негромко:

– Мне кажется, это предательство, Лёва. В этой земле лежат наши предки. Кто придёт сюда, если мы уедем? Кто положит камушек на плиту, прошепчет кадиш и хотя бы на минуту вспомнит, что они жили?

Лёва помолчал, потом тихо сказал:

– Это не так просто, Пётр… выбрать между прошлым и будущим. – Он провёл рукой по столу, машинально сгребая крошки в ладонь, и закурил. – Когда появляются дети, ты начинаешь думать иначе. Уже не о прошлом. Ты отвечаешь не за то, что было, а за то, что будет. И иногда это значит уехать. Даже если тебе самому от этого… плохо. Знаешь, Пётр, еврей, наверное, только в дороге и бывает счастлив. Пока он в пути, у него хотя бы остаётся надежда найти место, где будет лучше. Если ему живётся плохо, он винит себя, ищет причину и страну, где будет лучше. Если появляется надежда на лучшую жизнь, он не верит, что это надолго.

– А если он живёт хорошо? Как самые успешные и заслуженные люди этой страны – наравне со всеми? – спросил Пётр.

– Так уже было. В Германии многие евреи говорили только по-немецки, учились в лучших университетах, становились врачами, юристами, профессорами и считали себя прежде всего немцами. Но им снова напомнили, кто они, – самым жестоким образом.

Лёва на мгновение замолчал.

– Наверное, самое опасное время наступает тогда, когда еврей начинает верить, что ему больше не нужно бороться за право оставаться собой. Он растворяется среди других, забывает свои корни, и через одно-два поколения от него может не остаться даже фамилии. Как ни странно, трудности всегда заставляли нас держаться друг за друга, помнить, кто мы, и продолжать двигаться вперёд. – Он с любовью посмотрел на брата. – Я не прошу тебя согласиться. Я просто говорю, как я это вижу.

Лёва обнял и поцеловал Петра, потом повернулся к Сёме:

– Семён, сыграй для меня, пожалуйста, фрейлехс. Это наша музыка.

Сёма вопросительно посмотрел на отца. Он знал: в Шаббат играть нельзя, но встретил отцовский взгляд – усталый, тёплый и какой-то особенно мягкий в этот вечер.

– Сегодня… – тихо сказал Пётр, – мы сделаем исключение. – Он помолчал и почти шёпотом добавил: – Думаю, Хашем нас простит.

Сёма медленно поднял смычок – почти осторожно, словно боялся не Бога, а самого этого мгновения. Мысль о предстоящей разлуке с любимым дядей Лёвой всё ещё не укладывалась у него в голове.

Он играл, не поднимая глаз, и смотрел куда-то вперёд, в пустоту, будто там уже маячила разлука. Музыка наполняла комнату восторгом и болью одновременно.

Иногда человек по-настоящему открывается лишь тогда, когда начинает делать то, для чего был рождён. В эту минуту перед ними был уже не просто мальчик – его дар невозможно было не заметить.

Кацы смеялись, плакали и едва слышно шептали слова старого фрейлехса. Казалось, сама музыка говорила за них: